

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Российской
этнографического музея

д.п.н. В.М. Груман

27 октября 2017 г.

[Handwritten signature over the stamp]

О Т З Ы В

ведущей организации – Российского этнографического музея
на диссертацию

Кирилла Александровича Маслинского

«Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт
социально-антропологического исследования (на материале российского
малого города и села)»,

представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография,
этнология и антропология

Работа К.А. Маслинского «Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского малого города и села)» является во многом необычным для отечественной этнографии исследованием. Эта необычность заключается как в выборе предмета анализа – школьной дисциплины, понимаемой как система норм и практик, так и в том, что дисциплина рассматривается не как бюрократическая система государственного контроля, а как некая традиция рутинных школьных норм и практик. Такая перспектива взгляда на дисциплину позволяет снять возникающий при знакомстве с названием работы вопрос о ее дисциплинарной атрибуции. Это, без сомнения, этнографическая или, шире, антропологическая работа. Увидеть необычное в обычном, сделать фоновые знания предметом исследовательской рефлексии, установить точку обзора, как говорил Кевин Платт, «над» и «вне» относительно предмета интереса – эти сугубо антропологические установки имплицитно или в явной форме присутствуют в данной работе.

Автору удалось за школьными порядками обнаружить сложный процесс взаимодействия государственной системы принуждения, нормативов, с одной стороны, и культурных навыков и установок дисциплинарного агента, т.е. учителя, с другой. В этом обоюдном взаимодействии формируются школьные дисциплинарные практики, которые приобретают характер устойчивой традиции. Обнаружение и анализ сдвига, который происходит при реализации дисциплинарных норм в школьном пространстве, скрупулезное рассмотрение причин и последствий этих трансформаций делает диссертацию по-настоящему интересным и новаторским исследованием.

Автор осознано выбирает так называемый «системный стиль описания» (с.14), представляющий своего рода «сито», используемое для отбора наиболее частотных и, следовательно, наиболее устойчивых школьных дисциплинарных практик. В связи с этим встает проблема репрезентативности собранного эмпирического материала. И если количество интервью (158) впечатляет, то их география (5 населенных пунктов) может поставить под вопрос корректность некоторых обобщений.

Специально следует отметить высокий теоретический уровень исследования, обнаруживаемый как в знакомстве с классическими и современными работами в области изучения дисциплины и школы, так и в понимании автором некоторых проблем методологического характера, связанных в первую очередь с выборочностью используемого эмпирического материала.

Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы, заключения, списка литературы и интервью. Структура представленного исследования характеризуется логической последовательностью и четкостью. Она мотивирована общим интересом автора к образующемуся зазору между установленными государством нормами школьного поведения (2 глава) и их реализацией в школьной повседневности (3 глава).

В результате скрупулезного и вдумчивого анализа К.А. Маслинский приходит к очень важному и весьма интересному заключению, что «дисциплинарные практики выступают для учителя не столько инструментом контроля, сколько средством манифестации конфликтов, утверждения идентичностей, оформления эмоций, и, в конечном итоге, служат тем культурным языком, который позволяет учителю найти одобряемый школьным сообществом ответ на вызовы ситуаций, которые

воспринимаются как нарушение писанных и неписанных школьных норм» (с.204).

В целом, предлагаемая диссертантом процедура выявления и анализа факторов, повлиявших на характер формирования и функционирования школьных дисциплинарных практик, представляется корректной и продуктивной. Благодаря четкости изложения, оригинальности интерпретаций и глубине анализа работа К.А. Маслинского представляет собой абсолютно самостоятельное и серьезное исследование. Поэтому и замечания, изложенные ниже, должны восприниматься как часть научной дискуссии.

Единственный серьезный общий вопрос, который возникает при прочтении, и который влечет за собой и ряд более мелких, это уровень обобщения материала. Да, возникает узнаваемый образ поведенческой культуры в средней советской школе, но само понятие «средняя советская школа» не всегда «работает» - настолько велик может быть разброс повседневных практик в зависимости от социального статуса, географии или национальных особенностей школы. Можно, скорее, говорить о нескольких вариантах средней советской школы: городских, сельских, национальных, деревенских интернатов и т.д. В самом деле, насколько корректны, например, заключения о телесном контроле школьников (надлежащая школьная форма, опрятность и т.д.) для маленьких деревенских школ? И можно ли обобщать заключения относительно внешшкольного контроля за учениками (на улице, в клубе, дома) в городе, где возможности для этого ограничены, и в деревне, где границы приватного достаточно проницаемы?

Из более частных вопросов отмечу лишь некоторые. Во-первых, не совсем понятно размежевание зон ответственности за нарушение дисциплины - кто кроме ученика отвечает за нарушение им правил в школе, дома, на улице? Автор справедливо пишет о целенаправленном выходе школьного надзора на внешшкольные пространства, но не следует упускать из виду и наличие определенного автоматизма такой экспансии, например, требование носить короткую стрижку в школе «не отменяет», так сказать, ее и на улице.

Во-вторых, как мне кажется, интерпретация учителя как лишь дисциплинарного агента несколько упрощает ситуацию. Ведь учитель выступает не только как проводник и интерпретатор правил поведения школьников, но и сам, пусть опосредованно, является точкой приложения дисциплинарных практик. За проступок страдает не только провинившийся, но и ответственный за этого провинившегося. Чем чаще учитель будет

выгонять ученика со своего урока и посыпать в кабинет директора, чем больше его учеников будут вызываться на педсовет, тем сильнее будет страдать его репутация как педагога.

В-третьих, предложенное автором толкование педсовета как позорящего ритуала является справедливым, но однобоким. На мой взгляд, педсовет направлен на достижение консенсуса между провинившимся и педагогическим коллективом, а также среди самих учителей относительно оценки проступка. Главное - не только вызывание стыда у ученика, но и признание им своей вины и согласие с оценкой его проступка. Кроме того, педсовет – это форма демонстрации педагогической солидарности, а в некоторых случаях – и профессиональной несостоятельности классного руководителя провинившегося.

Иными словами, применение дисциплинарных мер всегда имеет эффект рикошета, чем детальнее расписаны требования к поведению в школе, тем выше вероятность их нарушения, и тем уязвимее для критики становятся дисциплинарные агенты, т.е. учителя. В этом смысле, если установленные нормы поведения в школе и создают для учителя возможность маневра в их интерпретации, то применение дисциплинарных инструментов может быть существенно ограниченным, поскольку в этом случае страдает репутация учителя.

Повторю, что высказанные здесь замечания нужно рассматривать как часть научной дискуссии, они никак не умаляют несомненных достоинств работы. Исследование, без сомнения, имеет теоретическую и практическую значимость. В целом, работа производит сильное впечатление логикой изложения и тонкостью анализа дисциплинарных практик. Основные положения и выводы работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях дисциплинарных практик других институтов - тюрьмы, армии, детдома и т.д. Кроме того, материалы диссертации могут быть привлечены для подготовки лекционных курсов и методических пособий по антропологии образования, истории советского образования, истории советской повседневности. Для педагогов может оказаться полезным знакомство с предложенным в работе способом описания школьных дисциплинарных практик

Диссертация К.А. Маслинского является законченным, самостоятельным научным исследованием, которое свидетельствует о том, что автор освоил научные стандарты написания квалификационных работ, владеет методами научного анализа, обладает достаточной эрудицией в

области гуманитарных дисциплин. Несмотря на научный стиль изложения материала, диссертационная работа читается достаточно легко и с большим интересом.

Положения и выводы диссертации были апробированы в докладах и выступлениях на научных конференциях и семинарах и статьях, четыре из которых опубликованы в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Содержание диссертации достаточно полно отражено в авторефере.

Диссертационная работа К.А. Маслинского «Дисциплина в школьной повседневности 1950-х – 1980-х гг.: опыт социально-антропологического исследования (на материале российского малого города и села)» по актуальности, новизне, теоретическому уровню и достигнутым результатам полностью соответствует требованиям, предъявляемым пп. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016 г. №335), а ее автор Маслинский Кирилл Александрович заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 - Этнография, этнология, антропология.

Отзыв подготовлен кандидатом исторических наук, заведующим отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея Барановым Д. А.

Дмитрий Александрович Баранов
заведующий Отделом этнографии русского народа
Российского этнографического музея
Почтовый адрес – г. Санкт-Петербург, 191011, Инженерная ул., д. 4/1.
Телефон – +7 (812) 5705801
Адрес электронной почты – dmitry.baranov@list.ru

Отзыв обсужден и единогласно утвержден на заседание Отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея 25 октября 2017 г. (протокол № 4).

Заведующий Отделом этнографии русского народа
Российского этнографического музея
Баранов Д.А.

Подпись Д.А. Баранова
Секретарь Д.А. Баранова

К.С.